

12+ Сергей Кузнецов

Голуби ходили строем

Сборник рассказов
о небольших неисправностях
реальности

Сергей Кузнецов
Голуби ходили строем. Сборник
рассказов о небольших
неисправностях реальности

<https://litres.ru/74152603>

ISBN 9785007015646

Аннотация

Сборник «Голуби ходили строем» — это цикл абсурдных, смешных, тревожных и удивительно тёплых историй о людях, которые пытаются жить среди маленьких чудес, бытовой магии и собственных несбывшихся надежд. Потому что иногда мир ломается не для того, чтобы стать страшнее. А для того, чтобы наконец начать говорить с человеком.

Содержание

Предисловие	5
Лысая дворничиха	6
Человек, который всем мешал	10
Старушка,	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Голуби ходили строем
Сборник рассказов
о небольших
неисправностях реальности**

**Сергей Викторович
Кузнецов**

© Сергей Викторович Кузнецов, 2026

ISBN 978-5-0070-1564-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Есть города, в которых всё работает правильно. Автобусы приходят по расписанию. Лифты молчат. Голуби ведут себя как обычные птицы и не участвуют в коллективных философских переживаниях.

Но, к сожалению или к счастью, действие этой книги происходит не там. Здесь реальность постоянно отвлекается. Она забывает соблюдать инструкции. Путаает настроение с погодой. Подсовывает человеку странности вместо ответов.

В таких местах холодильники хранят не еду, а несбывшиеся жизни, цветы отказываются умирать из жалости к хозяйке, очереди делятся десятилетиями, а добро выглядит настолько подозрительно, что жильцы вызывают председателя ТСЖ.

При этом никто особенно не удивляется. Потому что человек способен привыкнуть ко всему. Даже к чуду, если оно происходит достаточно долго и рядом с мусоропроводом.

Эти рассказы — не совсем фантастика. Не совсем абсурд. И даже не совсем юмор. Скорее это истории о людях, у которых внутри что-то болит, но они продолжают ходить в магазин, спорить из-за коммуналки, кормить котов, стоять в очередях, влюбляться, стареть и... надеяться.

А мир — из сочувствия или любопытства — иногда отвечает им взаимностью. Очень странным образом.

Лысая дворничиха

Во дворе номер восемь по улице Безымянной всё происходило слегка не так, как должно было происходить. Скамейки стояли спиной друг к другу, голуби ходили строем, а мусорные баки иногда сами собой переползали ближе к подъезду, как будто им было скучно.

И среди этого всего жила — точнее, работала — дворничиха Марфа Петровна. Лысая. Абсолютно. Настолько, что зимой на её голове иногда образовывался тонкий слой инея, а летом отражалось солнце так ярко, что жильцы путали её с маяком и пытались ориентироваться по ней, выходя из подъезда.

С Марфой Петровной никто не разговаривал. Не потому что она была злая. Или грубая. Или странная. Хотя, конечно, она была странная. Просто каждый раз, когда кто-то пытался открыть рот, чтобы сказать:

— Здравствуйте, Марфа Петровна...

Она уже отвечала, даже не поворачивая головы:

— Ну и что с того, что лысая? Вы не понимаете, как это кайфово! Никакой тебе перхоти!

После этого человек обычно забывал, что хотел сказать, и уходил думать о перхоти.

Со временем жильцы выработали систему молчаливого сосуществования. Если Марфа Петровна мела двор — все

делали вид, что их нет. Если она стояла и смотрела на облака — облака начинали нервничать и расползаться.

Но однажды произошло событие. Во двор приехал новый жилец. С чемоданом, с растерянным лицом и с волосами — густыми, кудрявыми, подозрительно пышными. Он вышел из такси, огляделся и бодро направился к подъезду.

Марфа Петровна уже была там. Она стояла с метлой, как всегда, и слегка поблескивала на солнце. Новый жилец улыбнулся:

— Здравствуйте!

Марфа Петровна даже не моргнула:

— Ну и что с того, что лысая? Вы не понимаете, как это кайфово! Никакой тебе перхоти!

Но тут случилось невозможное. Жилец не ушёл. Он поставил чемодан, подумал и сказал:

— А у меня есть.

— Что есть? — впервые за много лет Марфа Петровна задала вопрос.

— Перхоть, — честно признался он. — И, знаете... не кайфово.

Во дворе стало тихо. Даже мусорные баки перестали ползти. Марфа Петровна прищурилась:

— Так побрейся.

— Не могу, — сказал жилец. — У меня там, возможно, идеи хранятся.

Марфа Петровна медленно обошла его кругом, как экс-

перт по непонятным явлениям.

— Идеи, говоришь... — протянула она. — А у меня вот — ничего не хранится. Пустота. Свежесть. Сквозняк.

Она постучала себя по голове. Звук получился как от пустого ведра.

Жилец задумался:

— А если... — он наклонился ближе, — если идеи как раз из-за перхоти?

Марфа Петровна замерла. В этот момент над двором завис голубь и начал медленно вращаться, как вентилятор на малых оборотах.

— То есть ты хочешь сказать... — осторожно начала она, — что я, возможно... недогенерирую?

— Возможно, — кивнул жилец. — У вас слишком чисто.

Марфа Петровна посмотрела на двор. Двор действительно был идеален. Ни бумажки, ни листочка. Даже тени лежали ровно. Она вздохнула:

— Ну и что с того, что лысая... — сказала она уже тише. — Никакой тебе перхоти...

И вдруг добавила:

— И, возможно, никаких тебе идей.

С этого дня во дворе начались перемены. Марфа Петровна стала подкидывать на землю листья. Иногда — специально рассыпала немного песка. Один раз даже оставила фантик, а потом долго на него смотрела, как на произведение искусства.

А через неделю она вышла во двор в вязаной шапке. Жильцы ахнули (про себя, конечно). Новый жилец подошёл:

— Эксперимент?

— Эксперимент, — кивнула она. — Проверим, что там у меня начнёт накапливаться.

— И как?

Марфа Петровна задумалась, потом сказала:

— Пока только тепло.

И, немного помолчав, добавила:

— Но мысль была.

— Какая?

Она посмотрела на него внимательно и впервые улыбнулась:

— А вдруг не в перхоти дело?

Голубь над ними перестал вращаться и пошёл пешком. А мусорные баки вернулись на свои места. И с тех пор во дворе иногда можно было услышать разговор. Правда, начинался он всегда одинаково:

— Ну и что с того, что лысая?..

Человек, который всем мешал

В микрорайоне Южный-6 появился человек, который всем мешал. Хотя начиналось всё вполне нормально. Просто однажды возле старой теплотрассы поселился мужчина. Никто не понял, откуда он взялся. Приехал вроде без вещей. Без машины. Без прошлого.

Такие люди особенно раздражают жильцов. Потому что человек без прошлого выглядит так, будто скрывает либо судимость, либо святость. А люди одинаково не любят обе категории.

Мужчину звали Илья. Он был обычный. Настолько обычный, что взгляд с него всё время соскальзывал. Через минуту после разговора люди уже плохо помнили, какого цвета у него куртка, сколько ему лет, были ли у него вообще деньги. Но зато все отлично помнили странное ощущение после встречи. Будто внутри стало чуть тише.

Сначала Илья просто сидел возле магазина «Ромашка» и чинил вещи. Бесплатно. Сломанный зонт. Детский велосипед. Чайник. Старый радиоприёмник. Он брал предмет в руки, долго рассматривал и тихо говорил:

— Ну что ты так устал?

После этого вещи почему-то начинали работать. Даже те, которые технически уже попрощались с жизнью.

Особенно удивил случай с холодильником Валерия Семё-

новича. Холодильник не работал три года и использовался как шкаф для пакетов — высшая стадия бытовой смерти.

Илья постучал по дверце и сказал:

— Тебя просто никто не благодарил.

После чего холодильник заработал. Правда, начал немного гудеть по ночам. Как человек, который старается не расплакаться.

Потом стало хуже. То есть лучше. Но пугающе лучше. Люди рядом с Ильёй начинали меняться.

Соседка Тамара Петровна, которая двадцать лет воевала со всем подъездом, вдруг перестала писать жалобы. Мальчик Антон перестал заикаться. А угрюмый охранник из «Магнита» однажды неожиданно погладил бездомную собаку. Собака потом три дня ходила за ним в полном потрясении.

Жильцы начали нервничать. Потому что одно дело — чудо. И совсем другое — устойчивое улучшение человека.

Особенно беспокоился председатель ТСЖ Геннадий Аркадьевич. У него было лицо человека, который считает доброту разновидностью финансового мошенничества.

— Бесплатно ничего не бывает, — говорил он на собраниях. — Я в девяностые жил.

Все уважительно кивали. Девяностые долго использовались в стране как аргумент против счастья.

Геннадий Аркадьевич начал собирать информацию. Выяснилось, что Илья нигде не работает, почти ничего не ест, знает людей так, будто подслушивал их мысли, и почему-то

голуби постоянно сидят рядом с ним. Причём молча. Это особенно пугало. Потому что обычные голуби ведут себя как мелкие уголовники. А эти выглядели дисциплинированными.

Однажды Геннадий Аркадьевич подошёл к Илье лично. Тот сидел на лавочке и чинил старый вентилятор.

— Послушайте, — начал председатель, — вы кто вообще такой?

Илья поднял глаза:

— Человек.

— Нет, конкретно.

Илья подумал:

— Уставший.

Это был неудобный ответ. С такими невозможно спорить по инструкции.

Геннадий Аркадьевич нахмурился:

— А зачем вы всё это делаете?

— Что именно?

— Помогаете.

Илья удивился:

— А что ещё делать?

В этот момент один из голубей медленно кивнул. Председатель побледнел. После этого в микрорайоне начались разговоры.

Кто-то говорил:

— Святой.

Кто-то:

— Сектант.

Кто-то:

— Бывший психолог.

Последнее звучало особенно зловеще.

Но настоящая проблема случилась зимой. В Южном-6 прорвало трубы. Кипяток пошёл по подвалам. Лифты умерли. Стены начали плакать ржавчиной.

Коммунальщики отвечали: «работаем». Это означало, что надежды почти нет. Люди бегали с тазами. Ругались. Замерзали.

А Илья просто ходил по подъездам. Разговаривал с детьми. Носил воду старикам. Чинил обогреватели. Слушал. И почему-то после разговоров с ним люди переставали паниковать. Хотя ситуация объективно оставалась кошмарной.

Это окончательно вывело Геннадия Аркадьевича из себя.

— Нормальный человек не может быть таким спокойным!

— кричал он на собрании. — Это подозрительно!

— А вы попробуйте, — тихо сказал Илья.

И тут произошло невозможное. Геннадий Аркадьевич замолчал. Потому что впервые за много лет кто-то посмотрел на него не как на начальника, проблему, скандал или функцию. А просто как на очень уставшего человека.

Председатель вдруг сел. И неожиданно тихо сказал:

— Я вообще-то тоже устал.

Во дворе стало тихо. Даже голуби отвернулись деликатно.

А Илья кивнул:

— Я знаю.

И в этот момент где-то в глубине двора внезапно заработало отопление. Само. Коммунальщики потом три недели объясняли это давлением в системе. Но трубы при этом выглядели смущёнными.

После той зимы Илья исчез. Просто однажды его не стало. Ни вещей. Ни следов. Только на лавочке возле магазина осталась старая отвёртка. И голуби. Они ещё долго собирались по утрам во дворе. Тихо сидели на проводах. Будто ждали.

А люди микрорайона Южный-6 вдруг начали замечать странное. Им стало труднее хамить, врать, проходить мимо чужой беды. Как будто кто-то однажды ненадолго показал, что человек вообще-то может быть лучше. И теперь забыть это оказалось невозможно.

Старушка, разговаривавшая с лифтом

В доме номер двадцать три по улице Энергетиков лифт был с характером. Вообще-то, лифты почти всегда с характером. Просто обычно они скрывают это из профессиональной этики. Но этот — нет.

Он был старый, серый, с тусклой лампочкой и дверями, которые закрывались так недовольно, будто каждый раз увольнялись. На стене внутри кто-то когда-то написал: «СЕРЁГА ДУРАК».

И лифт, судя по всему, запомнил. Потому что Серёгу он потом регулярно возил на девятый вместо пятого. Особенно в дождь.

Жильцы привыкли. В панельных домах вообще быстро привыкают к странностям, если они оплачены через коммунальные услуги.

Но главной странностью была Валентина Фёдоровна с седьмого этажа. Маленькая старушка в огромном пальто, похожем на занавеску, которая разговаривала с лифтом. Не рядом с лифтом. Именно с лифтом.

Каждое утро она подходила к дверям и говорила:

— Ну что, Лёничка, поедем?

После чего лифт почти сразу приезжал. Хотя до этого мог

десять минут стоять где-нибудь между этажами и размышлять о своём.

Внутри кабины Валентина Фёдоровна продолжала беседу:
— Не трясись так, у меня кефир.

Или:

— Сегодня тебе тяжело, да?

После этого лифт ехал мягче.

Людей это сначала смешило.

— Совсем бабка того, — говорили жильцы возле почтовых ящиков.

Особенно старался гражданин Олег Викторович с третьего этажа — человек, у которого лицо всегда было таким, будто ему неправильно собрали мир.

— Это железка! — возмущался он. — Железка не может понимать!

Лифт после таких слов обычно задерживал его между этажами. Ненадолго. Минут на 40. Для профилактики.

Постепенно жильцы начали замечать странности. Если Валентина Фёдоровна уезжала к сестре — лифт начинал скушать. Сначала медленно. Потом демонстративно.

Мог не открывать двери с первого раза, тяжело гудеть, стоять с открытой кабиной, как человек, забывший, зачем пришёл.

А по ночам дом начал слышать вздохи. Глубокие. Металлические. Очень одинокие. Сначала думали — трубы. Потом сантехник послушал и сказал:

— Нет. Трубы так драматично не умеют.

Особенно тяжело стало после того, как Валентина Фёдоровна заболела. Несерьёзно. Простуда. Но три дня не выходила из квартиры.

На второй день лифт вообще отказался работать. Просто стоял на первом этаже с открытыми дверями. Как собака у больницы.

Люди жали кнопки. Ругались. Вызывали мастера. Мастер приехал молодой, уверенный, с планшетом. Посмотрел систему. Проверил провода. Пнул дверь для авторитета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.